

Сусуму Нонака

КАК ВЫРАЖЕНИЕ ПОЛУЧАЕТ СВОЮ ФОРМУ И УТЕШАЕТ ЧЕЛОВЕКА. К ОДНОМУ МОТИВУ В ПИСЬМАХ А. ПЛАТОНОВА*

Русский писатель советского периода Андрей Платонов (1899–1951) известен своеобразным стилем. Важной задачей платоноведения является понимание того, в каком именно смысле стиль писателя оригинален и как он возник. В этом отношении интересно обратить внимание на частные письма Платонова, в особенности к жене Марии. В них он нередко пользуется такими же странными выражениями, как и в художественных произведениях. В статье анализируется выражение, которое использовалось в письмах к Марии в 1945 г., когда речь шла о любимом сыне Платоне (Тоше), умершем от туберкулеза за полтора года до этого: «поцелуй его через землю». Сравнивая подобные выражения в письмах на эту тему (о том, как ухаживать за умершим и его могилой), можно обнаружить, что у писателя это выражение возникло не сразу, а после повторения обычных выражений. Платонову потребовалось некоторое время для того, чтобы найти данное выражение, и после этого он уже не писал жене о смерти сына. Можно заметить подобную тенденцию и в рассказе «Пустодушие». Тезис о важной роли повторения и варьирования обычных выражений в целях достичь более странных и своеобразных («платоновских») демонстрируется и на других материалах.

Ключевые слова: Платонов, русская литература, письма, новое и старое в языковых выражениях, слово в жизни и литературе.

The Russian writer of the Soviet period Andrei Platonov (1899–1951) is well known to have had a very original style in his novels and short stories. It is an important goal to find out in what sense his style is original and how he created it. In this connection, it is worthwhile to pay some attention to his personal letters because some of them (especially ones written to his wife, Maria), show the same strangeness as found in his literary works. This paper concentrates on one expression he used when he wrote to Maria in 1945 about their beloved son Platon (Tosha) who had died from tuberculosis one and half years before: “kiss him through the earth.” Comparison of Platonov’s expressions in his letters concerning the same topic (how to take care of the dead son and his grave) shows that he created this expression not straight away, but after repeating and varying some ordinary ones. It therefore seems that it took some time for him to come up with the fore-mentioned expression after which he ceased writing about the death of his son. The author finds the same tendency also in a short story “Empty Soul (Pustodushie)” written by Platonov in the same period. The thesis about the important role of repetition and variation of more ordinary expressions in order to reach more original and strange ones in Platonov’s style could be tested with his other works.

Keywords: Platonov, Russian literature, letters, new and old in verbal expressions, discourse in life and literature.

---

* Автор статьи благодарен за ценные замечания Валерию Вьюгину, Валерию Гречко и Борису Ланину. Настоящая статья является результатом научного проекта, осуществленного с поддержкой Japan Society for the Promotion of Science (Kakenhi № 26284045).

Хорошо известно, что произведения Андрея Платонова (1899–1951), отличаясь языковой необычностью и стилистическими странностями, заставляют многих читателей, критиков и исследователей задуматься об их функциях и значениях. Действительно, его произведения дают богатейший материал для обсуждения ряда основных вопросов литературоведения: что такое новое и старое для языкового выражения, как оно эволюционирует между полюсами новизны и банальности, т. е. тех вопросов, которые находились и продолжают находиться в центре литературоведения с тех пор, как их поставили в начале предыдущего века русские формалисты.

Тема статьи – одно платоновское выражение из его писем к жене Марии по поводу умершего сына Платона (Тоши). Мы возьмем за анализ выражения, сделанного писателем в бытовой жизни, а не в художественном произведении, поскольку оно позволяет наблюдать, как эволюционирует выражение, связанное с конкретным мотивом. Мы надеемся, что этот пример поможет разобраться в платоновской манере стилистического усложнения на более общем уровне, охватывающем слово в жизни и слово в поэзии. По поводу того, как эволюционирует выражение в платоновских произведениях, уже предложено несколько формулировок, например, «редукция формы» В. Вьюгина и «стиль+/стиль–» М. Михеева [5, с. 188–243; 9, с. 691–714]. Наш опыт выделит роль повторения более привычных выражений в рождении новых.

Выражение, которым мы займемся, следующее: «Поздравь Тошу с днем его рождения и *поцелуй его через землю*» (12–13 сентября 1945 г., Ялта) [1, с. 574; 13, с. 576] (здесь и далее курсив наш. – С. Н.). Нам хочется сначала выяснить, чем это выражение отличается от обыкновенных и в каких отношениях его можно считать «платоновским». А затем мы рассмотрим вопрос о том, как оно получило свою форму. Существенно, на наш взгляд, что оно появилось не сразу, а после повторений подобных выражений в связи с одним и тем же мотивом после смерти сына в январе 1943 г.

Наша гипотеза состоит в том, что приведенное выше выражение, отличающееся типичнейшей для Платонова силой новизны, появилось как бы на вершине ряда более обыкновенных, с помощью которых он искал и обретал образ действия по отношению к своему «любимцу и учителю, как надо жить, страдать и не жаловаться» [1, с. 565; 13, с. 561].

*В чем состоит странность выражения?
(предварительное обсуждение)*

Опубликованный в 2014 г. сборник писем Платонова вызвал отклики как специалистов, так и широкого круга читателей [17, с. 153–159; 3; 10]. В центре их внимания находятся, несомненно, письма к жене Марии Платоновой (урожд. Кашиинцевой). Н. Корниенко, составитель сборника, подчеркивает значение этих писем: «...именно любовные-семейные письма Платонова превращают традиционный сборник писем писателя в самостоятельную книгу, формируют ее внутренний сюжетный нерв и придают всему эпистолярно пронзительную лирико-драматическую интонацию» [8, с. 8–9]. Естественно, что переписка с женой имеет несколько особо интенсивных периодов, связанных с временным отдельным проживанием из-за разных обстоятельств. В частности, это касается и периода Великой Отечественной войны, когда писатель служил военным корреспондентом и писал жене много писем с фронта.

К самым важным темам платоновских писем этого времени относится, разумеется, первый ребенок и единственный сын Платон (Тоша), умерший от чахотки в январе 1943 г. О нем писалось так часто, что по отношению к нему образовалось несколько мотивов, в связи с которыми употребляются характерные выражения. Одним из таких мотивов является «просьба к жене обратиться к умершему сыну». В составленном нами списке (см. приложение к статье) приведены различные варианты выражений, имеющих отношение к этому мотиву.

Насколько нам известно, самым ранним проявлением этого мотива является следующий отрывок: «Скучаю я по вам обоим – по тебе и по нашему сыну – сильно и грустно. Для меня мертвый Тотик – все равно вечно живой... Сижу в общежитии, думаю о тебе и о могиле на кладбище. *Поцелуй землю на его святой могиле за меня.* (24 мая 1943 г. Мичуринск)» [1, с. 547; 13, с. 526].

Обращает на себя внимание то, что в этом выражении уже есть что-то нестандартное и типичное для Платонова; такие элементы, как сближение живого и мертвого и наделение последнего святостью продолжают играть важную роль в целом ряде выражений, относящихся к данному мотиву.

Но в общем можно сказать, что эта первая просьба к Марии не выделяется такой стилистической необычностью или новизной, как «*поцелуй его через землю*». Нам важно задаться вопросом,

как определить качественную разницу между этими (и другими) выражениями. Как справедливо отмечает М. Гаспаров, у Платонова «буквально каждая фраза его насыщена аномальными словосочетаниями, а в чем эта аномальность состоит и какую семантику в себе несет, это очень трудно поддается определению» [6, с. 413]. Мы полагаем, что анализ ряда выражений, относящихся к одному и тому же мотиву, поможет объяснить, как они эволюционируют до своей последней формы и какую семантику они в себе несут.

Но прежде чем взяться за эту работу, будет интересно показать нестандартность анализируемого нами выражения, что мы сделаем с помощью информационно-справочной системы «Корпус русского языка» (<http://ruscorpora.ru>).

Считается, что использование корпуса языка имеет важное значение, когда речь идет о частотности и расположении некоторых слов или фраз. Что касается платоноведения, некоторые исследователи пользуются статистическим подходом для определения отличительных черт платоновской прозы. Убедительные результаты дала, например, работа Михеева о частотности появления ключевых концептов в некоторых произведениях Платонова [9, с. 54–64]. Между тем, надо помнить, что статистические результаты все-таки нуждаются в истолковании, поскольку основной задачей литературоведения нам представляется объяснение связи формы и значения в литературных произведениях.

Мы обращаемся к «Национальному корпусу русского языка», чтобы проверить, насколько часто используется словосочетание «через землю», так как именно оно производит сильный эффект в анализируемом нами выражении. Результатами поиска в основном корпусе являются 29 из 109.028 документов. Если сосредоточиться на семантическом плане, то их можно разделить на три группы:

(1) движение (горизонтальное) по земле в смысле «пересекая какую-либо территорию»: «Шел я *через землю* их 100 дней и пришел в землю пигмеев» (М. Шишкин, «Венерин волос», 2004); «За ним стояла сила, речь шла лишь о пропуске этой силы *через землю* кривичей, но что такое сила, Перемысл знал твердо» (Б. Васильев, «Вещий Олег», 1996); «Ответ только один: через Берингию, *через землю*, которой нет на географических картах» (Д. Орешкин, «Край земли», 1984).

(2) движение (чаще всего вертикальное) под землей в смысле «сквозь землю»: «Ему казалось, что *через землю* он слышит запах свежего хлеба» (А. Приставкин, «Ночевала тучка золотая», 1981); «И еще есть в подполье странные окна *через землю* в иной мир» (Г. Чулков, «Годы странствий», 1930); «Я знаю: я прошел *через землю* сквозь самые недра, через огонь, я был в царстве звезд и от звезд в звездном вихре за звезды на небесах» (А. Ремизов, «Взвихренная Русь», 1917–1924).

(3) способ действия в смысле «при посредстве земли»: «А *через землю* уж и людей сможешь полюбить» (А. Иванов, «Сердце Пармы», 2000); «Родина – это такое место, по нашим понятиям, где люди племени твоего сидят на земле и добывают свой хлеб *через землю*» (Ф. Искандер, «Сандро из Чегема», кн. 1, 1989); «Куда ты от меня пойдешь, коли мы с тобой кольцом *через землю* обручены?» (П. Бажов, «Золотые дайки», 1945).

Сопоставляя платоновскую фразу с этими выражениями, можно считать, что оно стоит ближе всего ко второй группе, а также к третьей. Но более важно, что вышеуказанные примеры отличаются от платоновского тем, что совсем не сложно понять, о чем в них идет речь. На наш взгляд, это происходит потому, что в них нет принципиальной двойственности буквального и переносного значения, которая присутствует в платоновской фразе. Возможно, пример из рассказа Бажова также может показаться двойственным, пока не виден контекст. Но, как оказывается, речь идет о кольце героини, которое она когда-то потеряла в яме с золотой рудой. Эти слова говорит тот, кто нашел его и полюбил героиню. А она их повторяет («так я тебе... *через землю* венчанная... до гробовой доски» [2, с. 252]), что снимает кажущуюся двойственность этого выражения. Платоновское же выражение, повторим, отличается принципиальной двойственностью буквального и переносного (тропического) значений, непримиримо противостоящих, и в то же время усиливающих друг друга. То есть, в этом выражении интересна именно неснимаемая семантическая двойственность, характерная для этого писателя.

Таким образом, с помощью корпуса языка можно подтвердить, что выражение «*через землю*», хотя и не обладает большой частотностью, не является странным, необычным само по себе. Чтобы объяснить странность платоновского выражения, по видимому, надо пользоваться другим подходом. Мы обратим вни-

мание, как уже говорилось выше, на эволюционный аспект этого выражения. Как мы увидим, странность выражения рождается не случайно, но обоснованно и, может быть, даже закономерно.

*Как эволюционируют выражения?
(парадигматический анализ)*

Окончание письма, как правило, характеризуется формальностью: прощание, пожелание, передача приветов и т. д. Как и начало, окончание более ограничено в свободе выбора тем по сравнению с основным текстом письма. Иначе говоря, в его конце чаще встречается повторение подобных выражений, общих или индивидуальных. Что касается платоновских писем к жене после смерти сына, в конце писем повторялись просьбы по поводу его могилы. Считается, что это определило эволюцию выражений писателя на эту тему.

Существенно отметить, что ряд выражений, как показывает наш список, представляет собой некоторую «парадигматику», в которой наблюдается характерное сочетание глаголов с объектами. Попробуем описать ее в общих чертах.

Самыми важными глаголами по частоте употребления и выбору объектов являются «поцеловать (поцелуй)» и «поклониться (поклонись)». Их следовало бы считать образующими некоторую парность. А часто употребляющимися объектами являются «земля», «могила», «прах», «сын» (включая имя «Тоша»), а менее часто – «изголовье» (как часть могилы).

Говоря о сочетаемости этих глаголов и объектов, можно отметить следующее: повелительное наклонение глагола «поцелуй» сочетается с «землей» (1, 3, 4, 16), с «могилой» (2, 8, 11, 12), с «изголовьем» (5, 15), с «сыном/Тошей» (16, 18), но ни разу с «прахом». «Поклонись» же сочетается с «прахом» (7, 14, 16), с «сыном/Тошей» (6, 17), с «могилой» (3), но ни разу с «землей» и «изголовьем». То есть объект «земля» сочетается исключительно с глаголом «поцелуй», между тем как «прах» имеет такую же связь с «поклонись». В этом отношении можно сказать, что выражения «*поцелуй землю*» и «*поклонись праху*» отличаются от других большей типичностью и устойчивостью.

Не менее важно отметить, что объект «сын/ Тоша» по отношению к этим двум глаголам не функционирует так активно, как другие объекты («земля», «могила», «прах»), пока не появляется

выражение *«поцелуй его через землю»*. До этого «сын» использовался как объект только один раз в (6): *«Поклонись нашему сыну»*.

Что же касается имен прилагательных, доминантным является «святой» по отношению к существительным «могила» (1), «сын» (2), «прах» (7), «любимец» (15), «мученик» (16). Как показывает хронологический ряд выражений, прилагательное «святой» стремится к самому сыну («сын», «любимец», «мученик»), а не к его метонимическим атрибутам («могила», «прах»). Можно было бы подумать, что придание «святости» умершему сыну было главной темой для Платонова, повторявшего просьбы к жене об уходе за ним.

Наконец, заслуживает особенного внимания то, что в (16) в связи с днем рождения Тоши развертывается основная парадигма данных выражений: *«Хотел написать отдельное письмо по поводу дня рождения Тоши, но боюсь, что оно не успеет дойти до тебя к 22 сентября. Поклонись его праху от меня и поцелуй землю в голове нашего первенца, нашего святого мученика. Если будет у тебя возможность, подари Саше что-нибудь 22/IX, раз уж нельзя ничего подарить его отцу. Тоша будет доволен тем, что сын его получит подарок, раз он сам, Тоша, уже не может получить подарка от нас. Поздравь Тошу с днем его рождения и поцелуй его через землю. (12–13 сентября 1945 г. Ялта)»* [1, с. 574; 13, с. 576].

«Поклонись его праху» и *«поцелуй землю»*, как говорилось выше, являются типичными и устойчивыми выражениями, которые употребляет писатель по отношению к умершему сыну. Выражение же *«поцелуй его через землю»* представляет собой их комбинацию, сила и новизна которой состоит, на наш взгляд, в следующем:

1) объект «сын/ Тоша», использованный до этого только один раз, появился снова (правда, в форме местоимения «его»), к тому же впервые в винительном падеже, что служит представлению более сильной связи субъекта и объекта глагола, если, как принято считать, этот падеж «означает самое полное, самое бесповоротное овладение предметом со стороны понятия, заключенного в глаголе» (Я. Гримм) [4, с. 140];

2) если *«поцелуй его через землю»* является результатом комбинации выражений *«поцелуй землю»* и *«поклонись его праху»* с помощью смены объектов, то должно было бы быть создано выражение *«поцелуй его прах»* (!); но эта версия сильно меняла бы то,

что Платонов хотел передать жене-матери, потому что ему было важно, вероятнее всего, воскресение сына, а не утверждение его смерти; он не мог сказать «поцелуй прах», ему надо было сказать именно «поцелуй его (Тошу)»¹; но, может быть, здесь таится некая внутренняя напряженность, придающая выражению еще больше силы;

3) говоря о теме воскресения, намеченной в этом выражении, стоит вспомнить, что Платонов в предыдущих письмах наделял сына святостью, которая имеет важную связь с воскресением, и мотив дня рождения также актуализировал эту тему;

4) есть основание считать, что при комбинации устойчивых выражений фраза «его праху» трансформировалась в «через землю», если, во-первых, дательный падеж имеет отношение с понятием направления, выражая «значение адресата, пункта, куда направлено действие» [4, с. 142], а во-вторых, слово «прах» имеет также значение «чернозем, земля» (Даль) [7, с. 998]. То есть трансформация тут происходит двойко – по осям «адресат – путь» и «останки – земля».

Таким образом, хотелось бы подчеркнуть, что фраза «*поцелуй его через землю*» выделяется особенной выразительностью именно потому, что она родилась из повторения выражений на одну и ту же тему, взаимопроникновение которых послужило появлению нового.

В этой связи нужно указать на важный фактор, способствовавший трансформации выражения: внук Саша (сын Платона) и дочь Мария. Значение рождения дочери в октябре 1944 г. для Платонова в отношении умершего первенца ясно из записи того же периода: «Рождение второго ребенка тоже измена первому? Как измена любви» (конец 1944 г.) [14, с. 273, 409].

Весьма характерно, что упоминание о внуке и дочери появляется вместе с упоминанием об умершем сыне. Платонов часто просит Марию одновременно поцеловать их и атрибуты умершего: «Поцелуй его [Сашу] за деда-солдата и поцелуй еще могилу нашего сына» (11), «Поклонись за меня праху нашего сына. Поцелуй внука» (14), «Поцелуй за меня изголовье моего святого любимца. Поцелуй Сашку» (15). «Внук» появляется в винительном падеже по отношению к глаголу «поцеловать» без каких-либо проблем,

---

¹ В другом, более раннем письме, он пишет: «Я ее [могилу] воображаю себе и его, лежащего в земле» (20 марта 1944 г.) [1, с. 562; 13, с. 556].

между тем как «сын», как говорилось выше, никогда не упоминался в такой форме прежде (16). Ясно, что новое выражение по отношению к сыну стало возможно под влиянием выражений по поводу внука. Объединение мотивов, относящихся к умершему и живым, способствовало изменению парадигмы данных выражений, результатом чего является новое сочетание глагола и объекта.

Что касается выражений после (16), важно отметить, что в них как бы намечается уверенность в воскресении сына. Платонов пишет о нем в каком-то светлом тоне, который может показаться странным, но вполне логичен в ряду других выражений, в которых писатель, пожалуй, разбирался в том, как относиться к умершему сыну: «На днях будет ему 23 года! *Поздравь его и поклонись ему от меня. Поцелуй Сашу, обними мою любимую Машку.* (16 сентября 1945 г. Ялта)» [1, с. 576; 13, с. 579]. «До свиданья, дорогая. *Поцелуй наших детей.* Обнимаю тебя. (10 октября 1945 г. Ялта)» [1, с. 577; 13, с. 581].

Несомненно, что в просьбе «Поцелуй наших детей» имеется в виду и Тоша. Необычность этой просьбы сопровождается максимальной семантической насыщенностью: под пером Платонова Тоша опять появился в винительном падеже вместе со своим сыном и сестрой. После этого выражения в платоновских письмах уже не повторялись просьбы к жене об уходе за Тошей.

Таким образом, можно видеть, что выражение «поцелуй его через землю» получило свою форму с помощью повторения и трансформации фраз, которые, сами отличаясь некоторой нестандартностью, стремились к еще более сильному и искреннему выражению. На наш взгляд, этот случай служит замечательной иллюстрацией того, как у Платонова образуется новизна из повторения и трансформации более привычных выражений.

Слово в жизни и слово в поэзии (вместо заключения)

В связи с нашей темой остается коснуться вопроса «слово в жизни и слово в поэзии», так как у Платонова письма к жене имеют существенное отношение с его литературными произведениями, например, в связи с темой противоречия идеала любви и семейного быта или напряженно-лирического стиля [12, с. 7–17].

Если обратить внимание на отношение писем о смерти сына к литературным произведениям, то нужно вспомнить, что мотивы

вы могилы, земли и воскресения занимают весьма важное место во многих произведениях Платонова, в том числе и самых главных – «Чевенгуре» и «Котловане»². Е. Яблоков назвал тему коллизии «человек и земля», возникшую еще в начале 1920-х гг., «актуальной до конца жизни писателя» [18]. А И. Спиридонова отмечает: «Образ земли на протяжении всего творчества Платонова хранит мифологический комплекс “матери – сырой земли”» [16, с. 51].

Однако, на наш взгляд, в военных рассказах, которые он писал в те же годы, что и данные письма, наблюдается новое, особенное отношение к жизни и поэзии у Платонова. Как говорилось выше, выражение «поцелуй его через землю» можно считать родившимся из комбинации более устойчивых для писателя выражений «поклонись его праху» и «поцелуй землю». В таком случае, кроме «поцелуй его через землю» могло бы образоваться еще одно новое выражение: «*поклонись земле*».

Может быть, это рассуждение покажется немножко натянутым, но нельзя не заметить, что в военных рассказах Платонова существенную роль играет мотив особенного, заветного отношения к земле. Коротко разберем его, используя примеры из рассказа «Пустодушие», написанного, вероятнее всего, в 1944 г. и впервые опубликованного в 1967 г. [15, с. 531]. В нем можно заметить повторение давно используемого мотива земли, с одной стороны, а с другой – то своеобразное расширение его семантического плана и характерного (нестандартного) словосочетания, которое соответствует выражениям в письмах того же периода. Например: «Женщина и ее сын пришли к могиле проведать своего мертвого. Они опустили на колени у места погребения и стали молча смотреть в землю. У женщины вышли из глаз тихие редкие слезы, и трудная печаль овладела ею, словно горе ее могло быть искуплением жизни перед лицом умершего» [15, с. 250].

«– Давай, мама, откопаем папу! – сказал сын матери. – Пусть он дома лежит. У нас дом тоже теперь в земле...»

Мать увела сына от отца. Мертвый остался опять один в земле» [15, с. 251].

«– Зачем он [немец] тебе? – спросил я у сироты. – Ты убить его хочешь?»

Мальчик со странной грустью поглядел на меня.

---

² Хотелось бы также особенно указать на его пьесу «Голос отца», где тематизирован мотив могилы отца [11, с. 129–138].

– Нет... Пусть он сперва отца нам отдаст. А потом он *пусть сам умрет в землю*» [15, с. 252].

Можно видеть, что по ходу сюжета мотив земли выделяется и по значению, и по форме так, что он приобретает в рассказе символическую функцию. Правда, нестандартность фразы «*умрет в землю*» частично мотивирована тем, что ее высказал ребенок. Но в то же время очевидно, что фраза насыщена семантически и образует некую символику земли³.

Нужно добавить, что Платонов, включая большой фрагмент этого неопубликованного рассказа в эссе «Из записной книжки», датированное 1947 г., переписал несколько мест, из которых наше внимание привлекает следующее:

«“Пустодушие”: – А мертвых доктор не лечит?

– Нет, сынок. Доктора их лечить не умеют» [15, с. 250].

«“Из записной книжки”: – А мертвые *из земли бывают жить?*

– Нет, сынок, они не бывают» [14, с. 282].

Здесь также можно заметить эволюцию выражения, осуществленную с помощью повторения и варьирования. Таким образом, мы фиксируем следующие выражения по поводу земли, которые можно с уверенностью назвать «платоновскими»: *поцеловать через землю, умереть в землю, жить из земли*.

Представляется, что эти своеобразные выражения, хотя каждое из них появляется только один раз, играют существенную роль в образовании символики земли, которая приобрела особый статус в жизни и творчестве Платонова. Повторим, что эта символика своеобразна не только по значению, но и по форме выражения. А новые формы образуются у писателя, как мы попытались показать, через повторение и трансформацию старых, которые также сохраняют свою жизнь в его жизненном и художественном мирах.

Приложение

Список тех мест в письмах А. Платонова к жене, в которых он просит ее что-то сделать относительно умершего сына, а также внука и дочери. Указаны только места, где он выражает просьбу, используя глаголы в повелительном наклонении. Чтобы был по-

---

³ Об «образной структуре», в том числе и мотиве земли в военной прозе Платонова, см. [16].

нятен контекст, цитируются также предшествующие и последующие предложения. Страницы указаны по следующему изданию: Платонов А. «...я прожил жизнь»: Письма. 1920–1950 гг. М.: АСТ, 2014.

№	Стр.	Даты	Цитаты
1	526	24/5/43	Сижу в общежитии, думаю о тебе и о могиле на кладбище. <i>Поцелуй</i> землю на его святой могиле за меня.
2	528	28/5/43	<i>Поцелуй</i> за меня могилу в изголовье нашего святого сына.
3	532	8/6/43	<i>Поклонись</i> за меня могиле моего сына и <i>поцелуй</i> за меня землю на ней.
4	534	12/6/43	Ты, конечно, пойдешь к нашему сыну, <i>поцелуй</i> его землю в изголовье, скажи, что я люблю его больше всего на свете.
5	535	24/6/43	Особенно хочу немедленно написать одну повесть – ты знаешь о чем. <i>Поцелуй</i> изголовье его могилы. Скажи ему, что я скоро приду к нему и поклонюсь ему.
6	536	25/6/43	<i>Поклонись</i> нашему сыну. Целую тебя.
7	542	30/7/43	Пиши же мне, милая, и <i>поклонись</i> святому праху нашего мученика.
8	543	31/7/43	<i>Поцелуй</i> могилу нашего сына. Береги себя, чтобы я увидел тебя.
9	544	3/8/43	<i>Помолись</i> о нашей судьбе праху нашего мученика-сына. Мне часто кажется, что он цел, существует, и лишь звуки его голоса не доходят до нас, а он наблюдает за нами.
10	553	4/10/43	Сегодня 9 месяцев минуло со дня смерти нашего сына. Прошло с его смерти ровно столько же времени, сколько он лежал перед рождением в твоём чреве. И вот уже 270 дней прошло, как он ушел ото всех живых, почти триста суток он лежит в земле. Но он оставил после себя свое подобие – милого Сашку. <i>Поцелуй</i> его за меня, деда-солдата.
11	554 -555	15/3/44	Помнит ли он [Саша] обо мне или уже стал забывать? <i>Поцелуй</i> его за деда-солдата и <i>поцелуй</i> еще могилу нашего сына.
12	559	27/6/44	И я думаю – как хорошо было бы, если б ты, Сашка и тот, кто в тебе еще не проснулся, гуляли все вместе здесь. <i>Поцелуй</i> от моего имени могилу нашего сына.
13	561	1/7/44	Если почему-либо 4-го не будет панихиды, то <i>отслужи</i> ее позже, и я так же, как и 4-го июля, буду незримо, своею памятью стоять у его могилы и плакать по нем.
14	564	13/7/44	Крепко тебя целую. <i>Поклонись</i> за меня праху нашего сына. <i>Поцелуй</i> внука
15	566	17/7/44	Целую и обнимаю тебя крепко. Я знаю, как тебе тяжело. <i>Поцелуй</i> за меня изголовье могилы моего святого любимца. <i>Поцелуй</i> Сашку.

16	576	12-13/9/45	Хотел написать отдельное письмо по поводу дня рождения Тоши, но боюсь, что оно не успеет дойти до тебя к 22 сентября. <i>Поклонись</i> его праху от меня и <i>поцелуй</i> землю в голове нашего первенца, нашего святого мученика. Если будет у тебя возможность, подари Саше что-нибудь 22/IX, раз уж нельзя ничего подарить его отцу. Тоша будет доволен тем, что сын его получит подарок, раз он сам, Тоша, уже не может получить подарка от нас. <i>Поздравь</i> Тошу с днем его рождения и <i>поцелуй</i> его через землю.
17	579	16/9/45	Здесь [в Ялте] когда-то и ты была с Тошей. Завтра я пройду по тем же камням, где когда-то ходили его ноги. На днях ему будет 23 года! <i>Поздравь</i> его и <i>поклонись</i> ему от меня. <i>Поцелуй</i> Сашу, обними мою любимую Машку.
18	581	10/10/45	До свиданья, дорогая. <i>Поцелуй</i> наших детей. Обнимаю тебя.

Литература

1. Архив А. П. Платонова. Кн. 1. Научное издание. М.: ИМЛИ РАН, 2009.
2. *Бажов П.* Золотые дайки // Бажов П. Сочинения в 3 т. Т. 1. М., 1976.
3. *Басинский П.* Сочувствие – честность писателя // Российская газета. Федеральный выпуск № 6253 (277). 9.12.2013.
4. *Виноградов В.В.* Русский язык (грамматическое учение о слове). Изд. 2-е. М., 1972.
5. *Вьюгин В.Ю.* Андрей Платонов: поэтика загадки. Очерк становления и эволюции стиля. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 2004.
6. *Гаспаров М.Л.* Приложение. Из отзыва М. Л. Гаспарова // Михеев Ю.М. Андрей Платонов... и другие. Языки русской литературы XX века. М.: Языки славянской культуры, 2015.
7. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка / Под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. Т. 3. СПб.; М., 1907.
8. *Корниенко Н.В.* Андрей Платонов по его письмам // *Платонов А.* «...я прожил жизнь»: Письма. 1920–1950 гг. М.: АСТ, 2014.
9. *Михеев М.Ю.* Андрей Платонов... и другие. Языки русской литературы XX века. М.: Языки славянской культуры, 2015.
10. *Наринская А.* Редкость быть человеком // Коммерсант.ru. URL: kommersant.ru/gallery/2394878.
11. *Нонака С.* Взгляд и голос: еще раз об «Уле» и «Голосе отца» // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып. 7. М.: ИМЛИ РАН, 2011.
12. *Нонака С.* Противостояние лиризма и антилиризма как момент эволюции творчества А. П. Платонова («Однажды любившие» и др.) // Поэтика Андрея Платонова. Сборник 2: Новые территории / Ред. Е. А. Яблоков М.: Совпадение, 2015.
13. *Платонов А.* «...я прожил жизнь»: Письма. 1920–1950 гг. М.: АСТ, 2014.
14. *Платонов А.* Записные книжки. Материалы к биографии. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000.

15. Платонов А. Смерти нет: Рассказы и публицистика 1941–1945 годов / Комм. Н. Корниенко. М.: Время, 2010.
16. Спиридонова И. «Под небесами Родины» (Художественный мир военной прозы А. Платонова). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2014.
17. Хрящева Н.П., Козут К.С. «Я люблю навсегда»: «Письма» Андрея Платонова // Филологический класс. 2014. 1(35).
18. Яблоков Е. «Может, природа нам что-нибудь покажет внизу» (Повесть «Котлован» и «земляная» тема в произведениях Андрея Платонова) (в печати).

Nonaka, Susumu. *How an expression gets its shape and comforts a person. To one motive in the letters of A. Platonov*

References

1. *Arhiv A. P. Platonova. Kn. 1. Nauchnoe izdanie* [A. P. Platonov's archive. Book 1. Scientific publication], Moscow: IMLI RAN, 2009.
2. Bazhov, P. Zolotyje dajki [Golden dikes], in Bazhov, P. *Sochinenija v 3 t.* [Works in 3 vol.], vol. 1, Moscow, 1976.
3. Basinskij, P. Sochuvstvie – chestnost' pisatelja [Sympathy – the honesty of the writer], in *Rossijskaja gazeta* [Russian newspaper], 9.12.2013.
4. Vinogradov, V.V. *Russkij jazyk (grammaticeskoe učenje o slove)* [Russian language (grammar word theory)], 2nd ed., Moscow, 1972.
5. V'jugin, V.Ju. *Andrej Platonov: poetika zagadki. Očerok stanovlenija i evoljucii stilja* [Andrei Platonov: poetics of the riddle. Essay on the formation and evolution of style], St. Petersburg: RHGI, 2004.
6. Gasparov, M.L. Prilozhenie. Iz otzyva M. L. Gasparova [Application. From the review of M. L. Gasparov], in Miheev, Ju.M. *Andrej Platonov... i drugie. Jazyki russoj literatury XX veka* [Andrei Platonov ... and others. Languages of Russian literature of the 20th century], Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2015.
7. Dal', V. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka* [The explanatory dictionary of the living Great Russian language], I. A. Bodujen de Kurtenje (ed.), vol. 3, St. Petersburg, Moscow, 1907.
8. Kornienko, N.V. Andrej Platonov po ego pis'mam [Andrei Platonov through his letters], in Platonov A. «...ja prozhil zhizn'»: *Pis'ma. 1920–1950 gg.* [Platonov, A. "...I have lived my life": Letters. 1920–1950], Moscow: AST, 2014.
9. Miheev, Ju.M. *Andrej Platonov... i drugie. Jazyki russoj literatury XX veka* [Andrei Platonov... and others. Languages of Russian literature of the 20th century], Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2015.
10. Narinskaja, A. Redkost' byt' chelovekom [The rarity of being a man], in *Kommer-sant.ru*. URL: kommersant.ru/gallery/2394878.
11. Nonaka, S. Vzgljad i golos: eshhe raz ob «Ule» i «Golose otca» [A look and a voice: once more about “Ulya” and “Father’s voice”], in «*Strana filosofov*» *Andreja Platonova: problemy tvorčestva* [“The country of philosophers” by Andrej Platonov: problems of creativity], no. 7, Moscow: IMLI RAN, 2011.
12. Nonaka, S. Protivostoyanie lirizma i antilirizma kak moment evoljucii tvorčestva A. P. Platonova («Odnazhdy lyubivshie» i dr.) [The confrontation of lyricism and antilyricism as a moment of the evolution of A. P. Platonov's creative work (“Those who once loved” and others)], in *Poetika Andreja Platonova. Sbornik 2: Novee ter-*

- ritorii* [The poetics of Andrei Platonov. Collection 2: New territories], E. A. Yablokov (ed.), Moscow: Sovpadenie, 2015.
13. Platonov A. «...ja prozhil zhizn'»: *Pis'ma. 1920–1950 gg.* [Platonov, A. “...I have lived my life”: Letters. 1920–1950], Moscow: AST, 2014.
  14. Platonov, A. *Zapisnye knizhki. Materialy k biografii* [Notebooks. Materials for biography], Moscow: IMLI RAN, Nasledie, 2000.
  15. Platonov, A. *Smerti net: Rasskazy i publicistika 1941–1945 godov* [There is no death: Stories and articles of 1941–1945], N. Kornienko (comm.), Moscow: Vremya, 2010.
  16. Spiridonova, I. “*Pod nebesami Rodiny*” (*Hudozhestvennyj mir voennoj prozy A. Platonova*) [“Under the heavens of the Motherland” (The artistic world of A. Platonov’s war prose)], Petrozavodsk: Izdatel'stvo PetrGU, 2014.
  17. Hryashcheva, N.P., Kogut, K.S. “Ja lyublyu navsegda”: “Pis'ma” Andreja Platonova [“I love forever”: “Letters” of Andrej Platonov], in *Filologicheskij klass* [Philological class], 2014, no. 1(35).
  18. Yablokov, E. “*Mozhet, priroda nam chto-nibud' pokazhet vnizu*” (*Povest' “Kotlovan” i “zemlyanaya” tema v proizvedenijah Andreja Platonova*) [“Maybe nature will show us something below” (The novel “The pit” and the “earth” theme in the works of Andrei Platonov)] (is being published).

DOI: <https://doi.org/10.31119/phlog.2017.1.11>